

Иса Айтукаев

С первого дня!

Первомайская черешня

Почему самая ранняя черешня называется первомайской, я не мог понять с детства. По привычке, как и все, всегда называл её так и я, хотя она и созревала в последних числах месяца.

В очередной свой отпуск, прилетев за сорок лет второй раз в эту пору, вернее, тридцатого мая, я спросил у сестрёнки Айны:

— Черешня-то поспела?

— Первомайская поспела, — ответила она. — У соседа Ахада. Наша созреет дней через десять.

Айна повела меня за дом, где над нашим забором раскинулись несколько веток старого огромного дерева соседа. Прямо над головами среди густых тёмно-зелёных листьев свисали, как гроздья винограда, спелые чёрные ягоды. Сорвав несколько штук и с удовольствием проглотив их, я спросил у сестрёнки:

— А сосед не зругается?

— Не-е. Они и не спиливают их, чтобы мы ели, — успокоила Айна. — Это же первая, майская. Её обычно едят. На заготовки уходит второй созрев.

Ё-моё! Вот оно что, оказывается! Она просто первая, майская, а не первомайская, наконец догадался я и усмехнулся.

— Чему улыбаешься? — спросила сестра.

Почему-то не хотелось сознаваться ей в своей разгадке многолетней загадки, и я ответил, что вспомнил один курьёзный случай с моим одноклассником Ахадом.

— Кушая черешню соседа Ахада — вспомнил случай с другом Ахадом? — улыbnулась Айна.

— Ага.

— Расскажи...

Это было давно. Мы оканчивали восьмой класс. Некоторые одноклассники после восьмилетки решили поступать в техникумы, и мы договорились сложиться по пять рублей и устроить вечеринку, вроде выпускного бала. Но у меня возникла проблема — где взять деньги, так как мама категорически отказалась мне их давать. У Ахада оказалась такая же ситуация, и мы, расстроенные, не знали, что нам делать.

Не видя иного варианта получить эти злополучные рубли, мы решили идти на воровство. Совхоз у нас был богатый, выращивали практически

всё — утопал во фруктовых садах и овощных полях! И редкий смельчак упускал случай что-нибудь да стащить.

Торговцы, или спекулянты, как тогда их называли, закупили черешню от пяти до десяти рублей за десятилитровое ведро. Покупатели приезжали как из близлежащих городов, так и из соседних республик. Обычно вечером, чтобы затариться и успеть к утру на городские рынки. Мы спланировали операцию: рассчитали время, маршрут, объёмы, и получалось, что мы тыка в тыку (только-только) успеваем до темноты получить у покупателей свои вождеденные деньги.

Шли мы через пустырь, где самые высокие заросли и некошенная трава. Дойдя до опушки заповедного сада, залегли, чтобы осмотреться, понаблюдать за обстановкой. Стояла мертвецкая тишина, никого не было видно и слышно. Присмотрев самое большое дерево, на котором плоды были уже в самом соку, прижимая ведра к телу, чтобы они, издав шум, не выдали нас, мы не торопясь, как хищники, крадущиеся за добычей, подошли к нему и начали взбираться наверх, благо ветви от земли не более полутора метров. Ахад, как обезьянка, прошмыгнул почти на самую верхушку с левой стороны, а я запрятался среди листвы веточек с правой.

Ягодок было много, и все крупные и спелые. Малейший шум мог нас выдать, поэтому мы старались класть их в ведро, подвешенное на самодельные крючки, а не бросать.

Едва слышно перешёптываясь, мы наполняли свои ёмкости, обговаривая обратный путь, понимая, что выбраться из сада — это только полдела, нужно ещё пройти через пустырь незаметно. Можно нарваться на объездчика или на кого-то из администрации села.

Опустошив вокруг себя все ветки, я пересел на другое место, чуть поодаль от Ахада, и, заметив, что он что-то говорит, тихо спросил:

— Что ты там говоришь?

— Ничего. Это я молюсь. Прошу Бога сделать так чтобы мы не попались.

— Ну ты даёшь! — фыркнул я.

Он был в нашем классе единственный, кто фанатично верил в Бога и совершал, как положено мусульманину, все молитвы. Остальные не сказать,

что не верили, но относились к религии более легкомысленно.

— Ты бы ещё и Ленина попросил! — съязвил я.

— При чём здесь Ленин? — возмутился друг.

— Как при чём? Мы же комсомольцы, а воруем совхозное, народное добро! — не унимался я.

Но Ахад промолчал. То ли решил не вступать в полемику, то ли побоялся, что нас услышат.

Через несколько минут он прошептал:

— У меня ведро почти полное. Я потихоньку, до-полняя, спущусь.

— Давай, — одобрил я. — Мне ещё минут пять до-бирать.

Не успел он спуститься до середины дерева — как гром среди ясного дня, раздался голос:

— А ну сюда! Спускайся быстро!

Я застыл на месте, боясь даже дышать. «Во попались!» — промелькнуло в голове.

— Дядя Киши, ты это мне говоришь? — жалобно прохрипел Ахад.

— А кому ещё? Быстро вниз!

Я быстро сообразил, что старый, в толстых очках, сторож Киши меня не видит из-за густой листвы и мощного ствола, и, приложив палец к губам, подал знак другу, чтобы он меня не выдавал. Ахад незаметно кивнул и начал спускаться. Но от волнения и страха не удержал своё тяжёлое, полное ведро, и оно полетело, рассыпая черешню, вниз, чуть не задев нашего учителя, из-за чего тот ещё больше разозлился.

— Ах ты, негодник, воришка! — распинался «владыка сада Кашей Бессмертный», как мы называли его между собой.

В селе его считали самым беспощадным и жестоким стражем садов и полей. Считалось, где он охраняет, там практически невозможно что-либо украсть. Ему бы ищейкой работать в милиции или на пограничной заставе.

— Дядя Киши, отпусти меня, я больше не буду воровать, честное комсомольское! — начал хныкать Ахад, прекрасно зная, что это глухой номер.

— Ах, ты ещё и комсомолец! — закипая, воскликнул «Кашей Бессмертный». — Вот пусть завтра в школе с тобой и займутся!

Сторож потащил моего друга в сторону своей сторожки, беспрерывно понося его на чём свет стоит.

Казалось, прошла вечность, когда я осмелился спуститься на землю, остерегаясь, что наступлю на какую-нибудь тонкую веточку и она хрустнет. Не отрывая взгляда от направления, куда увели моего злополучного друга, я чуть ли на четвереньках, осторожно переставляя ведро перед собой, двинулся к пустырю и только среди высокой травы немного выпрямился и пустился наутёк.

Добравшись до села, оглядываясь во все стороны, я за считанные секунды очутился у машины закупищиков и ели прошипел:

— Скорее деньги...

Вывалив им в дощатый ящик своё ведро, я выхватил свой заработок и что есть мочи побегал домой.

Ясное дело, весь вечер тряся, как осиновый лист на ветру, вот-вот ожидая, что явятся за мной. Немного успокоившись, решил замести следы преступления: вымыл ведро и запрятал его подальше — с этой «ищейкой» шутки опасны. Потом подумал: и деньги надо бы спрятать. Начал искать и обнаружил в заднем кармане брюк две купюры по пять рублей. Оказывается, как позже узнал, эти спекулянты в тот день покупали по рублю за килограмм.

К вечеру следующего дня, твёрдо решив, что поделиться с Ахадом деньгами — это благородное дело, завтра уже отдавать старосте для вечеринки, я направился к его дому. Друга дома не оказалось, и я вернулся домой — завтра в школе отдам.

Мы учились с обеда. Войдя в школу, я увидел его у двери кабинета секретаря комсомольской организации и по его виду понял, что он в сильном негодовании.

— Ну что, как у тебя дела? — осторожно поинтересовался я.

— Как-как?! Сам, что ли, не видишь? — резко ответил Ахад. — Почему я один за всё страдаю?! Вчера попало от отца. Почётного железнодорожника страны! Сегодня с утра вызывали в контору совхоза, накатали протокол об административном наказании и штраф три рубля! А сейчас будут на комитете осуждать. Могут исключить из комсомола...

— А к мулле не водили? — решил пошутить я.

— А-а, ты ещё и смеёшься?! Меня все считают вором и негодяем, а ты ещё смеёшься?

— Да успокойся ты, всё пройдёт, всё утрясётся...

— Что пройдёт?! Что наладится?! — в ярости, красный как рак, начал истерить Ахад. — Почему я один только вор? Почему тебя тоже не осуждают и не наказывают?

— Потому что ты не попался! Не пойман! Как говорится: не пойман — не вор!

Я развернулся и ушёл в класс.

Фигу ему с маслом, а не пять рублей!

«Супертёща»

Помните анекдот про тещу?

Сидят трое мужиков и обсуждают мам своих жён. Первый жалуется: «У меня тёща — сущая гадюка! Целый день шипит и шипит». Второй подхватывает: «А моя — как тигрица! С утра до вечера рычит и рычит!» Третий сидит, понуришь голову, и молчит. «А ты что ничего не говоришь?» — удивлённо спрашивают товарищи. «К сожалению, — вздыхает третий, — у меня тёща хорошая...»

Почти аналогичная ситуация и у меня.

За почти сорок лет, как я знаю свою тещу, у меня к ней не было никаких претензий и нареканий.

Все друзья и приятели, не скрывая, завидуют мне и утверждают, что с тещей мне очень повезло.

Я, конечно, не буду умалять её достоинства: она действительно хороший человек. Иногда кажется, что я живу со своей невыносимо ворчливой женой из-за прекрасной тещи.

Но друзьям всё же я отвечаю и рекомендую: — Жену и тещу надо воспитывать с первого дня!

Хотя у всех и общепринятое представление о кавказцах: мол, мы все — искусные повара и кулинары, но о себе скажу честно, что кухня и я — абсолютно несовместимые вещи!

Кухня для меня — это запретная, табуированная зона! Скажу больше: до семнадцати лет я понятия не имел, как готовится еда. И был очень потрясён, когда узнал, что на готовку уходит столько труда и времени! Я, или в силу того, что не задумывался над этим, или что сёстры избавили меня от этого процесса, думал, что всё это просто достаётся из печи и холодильника...

Слава Богу, женился я очень удачно, и моя жёнушка оказалась истиной женщиной: сразу уловила, что в кухонных деяниях я полный профан, и звала меня на эту территорию только тогда, когда приготовит и расставит всё на столе.

А готовит она! Пальчики оближешь — это совсем ни о чём! Поэтому из её рук я готов был есть яд как шоколад!

И в первое время всё шло безукоризненно, но как-то, расположившись на кухне на ужин, я не заметил на столе соли.

Так как ворчать и упрекать в чём-либо жену я не любил и никогда этого себе не позволял, вспомнил эпизод из грузинского короткометражного фильма, сказал ей:

— Подставь стул к столу...

Когда она выполнила моё указание, попросил: — Встань на него...

Она удивилась, но поднялась и искрящимися глазами посмотрела на меня.

— А теперь посмотри на стол, — еле удерживая себя, чтобы не расхохотаться, сказал я. — Чего на нём не хватает?

— Тьфу ты! — расстроилась жена. — Я-то размечталась, что ты хочешь есть и любоваться мной.

С того дня не было случая, чтобы она не положила и не поставила чего-то на стол, когда я садился есть.

А давеча теща пригласила нас к себе в гости. Жена попросила мать накормить меня, пока она в соседней комнате на швейной машинке что-то ей перешивала. Теща накрыла мне стол и побежала в зал посмотреть очередную серию нескончаемой «Санта-Барбары». Голодный после работы, я налёг на ужин, но заметил, что моя дорогая теща не подала к столу хлеба.

— Теща! — окликнул я её громко.

Кстати, я её никогда не называл ни по имени-отчеству и никак иначе, только — теща. Как-то брат её решил было заняться моим воспитанием и упрекнул меня в этом, объясняя, что это неуважительно с моей стороны. «А что плохого в этом слове? — удивился я. — „Мама“, „папа“, „дядя“, „тёща“ — прекрасные русские слова! А „тёща“ — так это вообще от слова „тешить“, „успокаивать“!» А ещё, самое смешное, ни один мой друг или приятель никогда не помнил, как её зовут. Все так и называли её — тещей. В первые годы она, бывало, и возмущалась, что таковой она является только мне, но со временем свыклась и не обращала внимания, когда мои товарищи, невзирая на её ворчание, с любовью звали её тещей.

— Чего тебе? — торопливо спросила она, недовольная, что я отвлек её от сериала.

— Возьми стул и поднимись на него, — холодно-кровно указал я.

Но! Тут вмешалась моя сообразительная жёнушка:

— Мама, не становись на стул. Посмотри, чего у него не хватает на столе, и дай ему.

Конечно, моя «супертёща» тоже обиделась и долго дулась на меня, но зато с тех пор на кухне — у жены, что у её мамы — полный ажур! Претензий — ноль!

Хм, а ещё не верите, что воспитанием надо заниматься с первого дня!